

Понятие «органических реформ» в политико-правовом наследии Ю. Ф. Самарина

Е. С. Беседина

Алтайский государственный университет

пр. Ленина, 61, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: Efremova_e@mail.asu.ru

Статья посвящена реконструкции центрального методологического понятия в политико-правовой доктрине Ю. Ф. Самарина – принципа «органических реформ». Анализируя философские основания этого принципа, автор раскрывает его связь со славянофильской идеей противопоставления «органического» и «механического» путей развития. Содержание понятие показано через критику Самариным бюрократического формализма, юридического позитивизма и механического заимствования иностранных институтов, а также через его позитивную программу, ярко выраженную в проектах поэтапной отмены крепостного права и введения института земства. В работе выявляется эвристический потенциал концепции, особенно актуальный в контексте поиска национальных моделей развития: ее акцент на этапности преобразований, творческом синтезе опыта, роли ответственного реформатора и приоритете внутреннего созревания институтов над их внешним навязыванием. В заключении обозначаются концептуальные уязвимости наследия Самарина, включая субъективность понятия «народной жизни» и риск консервации несправедливых отношений, однако подчеркивается, что его идеи остаются ценным призывом к осмысленным, последовательным и преемственным реформам, учитывающим специфику национального развития.

Ключевые слова: Юрий Самарин, «органические реформы», славянофильство, философия права, государственные преобразования.

The Concept of "Organic Reforms" in the Political and Legal Heritage of Yu. F. Samarin

E. S. Besedina

Altai State University

61 Lenin St., 656049, Barnaul, Russia. E-mail: Efremova_e@mail.asu.ru

This article reconstructs the core methodological concept in Yuri Samarin's political and legal doctrine—the principle of "organic reforms." Analyzing the philosophical foundations of this principle, the author reveals its connection to the Slavophilic idea of contrasting "organic" and "mechanical" development paths. The concept is illustrated through Samarin's criticism of bureaucratic formalism, legal positivism, and the mechanistic borrowing of foreign institutions, as well as through his positive program, clearly expressed in his projects for the gradual abolition of serfdom and the introduction of the zemstvo institution. The paper reveals the heuristic potential of this concept, particularly relevant in the context of the search for national development models: its emphasis on the stage-by-stage nature of reforms, the creative synthesis of experience, the role of a responsible reformer, and the primacy of the innate development of institutions over their external enforcement. The conclusion identifies the conceptual vulnerabilities of Samarin's legacy, including the subjectivity of the concept of "folk life" and the risk of engraining unfair relations. However, it emphasizes that his ideas remain a valuable call for meaningful, consistent, and continuous reforms that build on the specifics of national development.

Key words: Yuri Samarin, organic reforms, Slavophilism, philosophy of law, state reforms.

Политико-правовое наследие Юрия Фёдоровича Самарина до сих пор остается на периферии научного интереса, однако в современном контексте поиска национальных моделей развития оно приобретает особую актуальность. Среди многообразия его идей особое место занимает принцип «органических реформ», который служил для мыслителя ключевым методологическим ориентиром в критике современности и проектирования будущего России. Данная статья ставит целью реконструкцию этого принципа как смыслового ядра его доктрины, раскрытие

его философских оснований, конкретно-исторического содержания и выявление сохраняющегося эвристического потенциала.

Принцип «органических реформ» у Ю. Ф. Самарина укоренен в фундаментальном для всего раннего славянофильства противопоставлении двух типов путей развития общества: «механического» и «органического» [Васильев 2010: 80]. Эта дихотомия, унаследованная от А. С. Хомякова и И. В. Киреевского, получила у Самарина мощное практическое накопление и конкретность, выросшие из его многолетнего опыта государственной службы и реформаторской деятельности. Критика «механического» начала воплотилась у Самарина в последовательном отрицании западноевропейского юридического позитивизма и бюрократического формализма. Закон, оторванный от нравственного сознания и народного обычая, представлялся ему мертвой абстракцией, слепым орудием, которое «рубит немилостиво все, что попадает под его лезвие» [Самарин 2016: 9]. Бюрократия же виделась наглядным воплощением «тирании рассудка» — системы, где живая истина подменяется отчетностью, а служение общественному благу вырождается в самовоспроизводство аппарата. Эта критика получила продолжение в анализе конкретных современных ему проектов реформ. Так, оценивая «инвентарные правила», введенные сверху в западных губерниях, Ю. Ф. Самарин указывал, что это механическое решение: «контракт, составленный не сторонами, обязанными исполнять его, а тою властью, которая... ограничивается одним утверждением... Этому контракту не достает одного: добровольного согласия» [Самарин 2017: 105]. Такой подход, предупреждал он, порождает не правовой порядок, а «глухую, междуусобную войну» [Самарин 2016: 9], и требует постоянного полицейского вмешательства, то есть воспроизводит ту же бюрократическую систему.

В противовес этому Ю. Ф. Самарин выдвигал идеал государства и права как живого организма, естественно вырастающего из глубины «народной жизни». Под народной жизнью он понимал не политическую активность, а совокупность верований, обычаев, нравственных убеждений и хозяйственного уклада нации, скрепленного православной верой [Самарин 2016: 155]. Историческое развитие в таком случае — никак не цепь общественных договоров или насильственных переворотов, а процесс внутреннего, естественного роста, подобный развитию живого существа, ищущего свою органическую форму. Из этого убеждения вырастает его конкретная программа, резко противостоящая как охранительному застою, так и революционному или либерально-западническому проектированию.

Суть «органической реформы» по Самарину заключалась не в конструировании новых институтов по чужим лекалам, а в выявлении, поддержке и законодательном закреплении существующих в народной жизни здоровых, «живых» начал. Классическим примером для Самарина была крестьянская община, которую он стремился сохранить как основу поземельных отношений вопреки критикам, выступающим за ее устранение во имя абстрактных принципов частной собственности: «...задача правительства состоит не в том, чтобы навязать ему лучшее, а чтобы открыть ему широкий путь к лучшему и дать ему средства собственным трудом подвигаться вперед в меру его сил и потребностей» [Самарин 2017: 306].

Такой подход предполагает бескомпромиссное отрицание механического заимствования, но не заимствования как такового. Ю. Ф. Самарин, глубокий знаток европейской мысли и практики, отвергал не сам факт использования чужого опыта, а слепое некритичное копирование институтов, лишенных органической связи с национальной почвой. «Неразумное, безотчетное и преднамеренное отрицание чужого только потому, что оно чужое при недостатке своего, при внутренней пустоте, не поведет к расширению области знаний; этого никто и никогда не утверждал» [Самарин 2013: 208]. Показательно, что и сам Самарин в 1850-е годы активно изучал зарубежный аграрный опыт, а в конце своей жизни, в 1875 году, отправился в Берлин и Пруссию с практической целью — исследовать устройство местной системы самоуправления и налогообложения с целью адаптации [Макеева 2007: 133]. Вместо копирования он предлагал логику творческого синтеза и органического усвоения, которую пояснял метафорой химической реакции, позитивный результат которой возможен лишь при взаимодействии заимствованного элемента («реагента») с сильным и самобытным национальным началом (другим «реагентом»), способным его переработать [Самарин 2013: 208].

Однако Ю. Ф. Самарин предупреждает и о другой опасности — искусственном кабинетном «выдумывании» народности. Он видел в этом обратную, но столь же пагубную крайность. «Сесть за рабочий стол, чтобы выдумать, изобрести русское народное воззрение» [Самарин 2013: 207]. Это означало обресть себя на «бесплодную гонку за оригинальностью», где мысль порождает лишь пустые абстракции. Подлинная народность не могла быть изобретена, а познавалась и взращивалась — она была естественным выражением внутренней силы и цельности национального духа, а не продуктом интеллектуальных усилий по «отличию от других».

Логическим следствием установки на органичность был категорический отказ Ю. Ф. Самарина от любых форм «революционного» мышления в политике, то есть от попыток решить сложные, многовековые проблемы одним законодательным актом или радикальным социальным экспериментом. С наибольшей силой он выступал против проектов быстрой, тотальной ломки социальных устоев, будь то во имя конституции, социализма или иной отвлеченной доктрины. Он сравнивал таких реформаторов с «не по разуму усердным фельдшером» [Самарин 2013: 404], который учиняет опасный эксперимент над «душой» народа. Революция для него была насилем, неспособным породить ничего жизнеспособного, ибо «на развалинах ничего не создается, а все образуется из того, что есть. Любые попытки «перескочить» через естественные фазы он считал не только бесполезными, но и губительными, ведущими к социальной катастрофе. Так, например, анализируя неудачи первых попыток прусских крестьянских реформ, он видел корень ошибки именно в этом стремлении к скачку: «Цель понята была верно; но ошибка состояла в том, что правительство надеялось достигнуть ее одним смелым скачком... Верный народный инстинкт чуял эту

опасность и благоразумно отклонял от себя преждевременный дар» [Самарин 2017: 241].

Однако славянофил подчеркивал, что опасно и государственное промедление. Он предупреждал: государство должно давать легальный выход народным ожиданиям, пока оно не превратилось в разрушительное отчаяние. «Страшно теперь, когда он надеется; менее ли будет страшно, когда в нем заморят надежду и он отчаится» [Самарин 2017: 59].

Ю. Ф. Самарин настаивал на необходимости этапности в деле реформирования общества и государства. Он прямо писал об опасности стремления «решить судьбу учреждений» всего через несколько лет после их создания, подчеркивая, что новым институтам, таким, например, как земству, нужно дать время укорениться, «прижиться» в народной среде. «Не рано ли теперь ставить вопрос о том, быть им или не быть?» [Самарин 2013: 365] – этот риторический вопрос был ключевым для его методологии. Его собственные проекты, будь то податная реформа или земское устройство, всегда содержали переходные механизмы, рассчитанные на длительную адаптацию. Этот принцип плавной адаптации был для Самарина антитезой тому хаотичному и репрессивному законодательству, которое он наблюдал в 1840-е годы. Он с горечью констатировал, что правительство, издав либеральный указ о добровольных сделках (1842), сразу же выпустило циркуляр, сводивший его на нет, ужесточив уголовную власть помещиков (1845); а даровав крестьянам право выкупа (1847), вскоре его отменило. «Ряд недосказанных желаний и быстро прерванных попыток» [Самарин 2017: 88–96] — так характеризовал он эту политику, видя в ней квинтэссенцию безответственного «механического» подхода, который не опирается на внутреннюю логику развития, а лишь реагирует на сиюминутные страхи. Плавность преобразований была для него единственным способом избежать коренного разрыва между законом и жизнью. Реформа, по его мысли, должна не опережать сознание общества, а следовать за внутренним созреванием, лишь оформляя и направляя уже назревшие изменения. Примером воплощения этого методологического требования является его детальный план отмены крепостного права, который можно представить как трехступенчатую модель органического перехода.

1. Подготовительный этап, или, как сам Самарин именуется его, «удержание и диагностика» предполагает введение запретительных мер, останавливающие развитие «болезни» – дальнейшее усиление крепостного права (запреты перевода в дворовые, на барщину целыми селениями, дробление имений). Параллельно должно начаться всестороннее изучение вопроса, в том числе необходимо поощрять гласное обсуждение для созревания общественного сознания.

2. Этап добровольных сделок, то есть этап «выращивания» нового уклада. На этом этапе необходимо было создать правовые условия для заключения добровольных договоров между помещиками и крестьянскими общинами. Государство должно выступать как арбитр и гарант, но не как автор условий. Данный этап позволял свободным соглашением сторон выработать наиболее жизнеспособные и разнообразные формы новых отношений, учитывающих местную специфику.

3. Итоговый этап предполагает закрепление накопленного положительного опыта множества сделок в виде гибкой законодательной нормы для всех. Таким образом, будущий обязательный закон должен был стать не абстрактной конструкцией, а легализацией уже сложившейся практики.

Такой подход требовал от реформатора особых качеств, среди которых Ю. Ф. Самарин выделял личную нравственную ответственность за предлагаемые преобразования. Он считал, что создатель закона не может быть простым «исполнителем» воли сверху; он должен отвечать перед собственной совестью и перед народом за каждый аспект реформы, который проходил через его руки. «Дело только тогда идет хорошо, когда тот, кто к нему приставлен, по своей подготовке и по своим способностям стоит несколько выше своего признания» [Самарин 2016: 507]. Только при таком условии – когда личные качества реформатора существенно превосходят формальные требования его должности – его работа может возвыситься над механическим исполнением.

Особую роль в процессе проведения «органических реформ» Ю. Ф. Самарин выделяет науке и просвещению. Если «механический» подход видел в науке сборник универсальных формул для переустройства любого государства, то «органическая» наука должна стать средством глубокого, интуитивного проникновения в живую специфику своего народа. Речь шла о «сродстве и постижении» – способности мысли, «воспитанной в среде народности», ощутить и понять ее изнутри. Такой ученый превращался из внешнего наблюдателя в исследователя, способного уловить «едва проявленные проявления движения человеческой души» [Самарин 2013: 206]. Большое значение Самарин отдавал статистике, которую он оценивал не как сухие цифры, а как «инструмент социальной диагностики», призванный «определить качественное отношение невесомых сил... отличить в них, что существенно и что умирает» [Самарин 2013: 286]. Без такой «органической» науки, основанной на любви и понимании, законодатель работает вслепую, не имея ни живых материалов, ни положительных указаний от самой жизни.

Однако одного развития науки было недостаточно. Второй, не менее важной опорой органического развития Ю. Ф. Самарин считал просвещение, понимаемое как «свободное изнутри совершившееся развитие» личности [Самарин 2013: 220]. Здесь его критика была столь же беспощадной. Государственная система образования николаевской эпохи представляла законченным воплощением «механического» подхода, построенного на «казенной лжи» и тотальном лицемерии. В такой системе, с горечью констатировал он, «всякое слово учителя запечатлено лицемерием, и ни один ученик ему не верит». Результатом было не просвещение, а нравственное разложение, которое «портит народ», создавая поколение формалистов, лишенных внутреннего стержня и живой связи с традицией. Против этого Ю. Ф. Самарин выдвигал идеал воспитания, которое не «вбивало» бы в ученика чужие истины, а побуждало и культивировало в нем собственные духовные силы и сознательную укорененность в национальном бытии. Только такое просвещение могло подготовить не пассивного исполнителя бюрократических

предписаний, а ответственного гражданина и мыслящего реформатора, способного к подлинной органической работе на благо страны.

Таким образом, принцип «органических» реформ Ю. Ф. Самарина предлагает глубокую методологию преобразований, отвергающую как революционный радикализм, так и охранительный традиционализм. Ее суть – в отказе от навязывания обществу чужих схем и ставке на выявление, поддержку и законодательное оформление уже созревших «народных начал». Однако данная концепция содержит в себе и ряд концептуальных уязвимостей.

Так, идеал «народной жизни» крайне субъективен. В обществе, разделенном сословными, идеологическими и культурными барьерами, он рискует стать инструментом легализации несправедливых, но традиционных отношений. Проблема кроется и в том, что в условиях системного кризиса идея постепенного, естественного вызревания реформ может обернуться запоздалыми и неадекватными мерами, не отвечающими на вызовы времени, особенно остро это стоит в период активных общественных изменений, требующих от государства решительных мер. Отсюда же вытекает вопрос: всегда ли «народные начала» содержат в себе адекватные ответы на вызовы времени. Концепция Самарина предполагает, что ответы на внешние и внутренние угрозы уже содержатся в глубине традиции. Но что делать с новыми, беспрецедентными вызовами, требующими принципиально новых решений? Могут ли такие реформы быть «органическими»? Еще одна проблема этой концепции – характерное для всех славянофилов утопическое ожидание высоких нравственных качеств от отдельного человека, реформатора. В итоге наследие Ю. Ф. Самарина – это призыв к осмысленным, а не механическим переменам, последовательности и преемственности в реформировании общества.

Литература

Васильев А. А. Государственно-правовой идеал славянофилов. М., 2010.

Макеева У. Л. Общественно-политическая деятельность Ю. Ф. Самарина: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2007.

Нольде Б. Э. Юрий Самарин и его время. Париж, 1978.

Самарин Ю. Ф. Воспоминание о Дмитрие Петровиче Журавском. Письмо к редактору "Русской Беседы" / Литература и история. СПб., 2013.

Самарин Ю. Ф. Два слова о народности в науке / Литература и история. СПб., 2013.

Самарин Ю. Ф. О крепостном состоянии и о переходе из него к гражданской свободе / Крестьянское дело. СПб., 2017.

Самарин Ю. Ф. О мерах для смягчения и облегчения крепостного состояния / Крестьянское дело. СПб., 2017.

Самарин Ю. Ф. О народном образовании / Литература и история. СПб., 2013.

Самарин Ю. Ф. Письма И. С. Аксакову 1851–1872 / Переписка. СПб., 2016.

Самарин Ю. Ф. Революционный консерватизм. Письмо к Р. Фадееву по поводу его книги "Русское общество в настоящем и будущем (чем нам быть)" / Литература и история. СПб., 2013.

Самарин Ю. Ф. Упразднение крепостного права и устройство отношений между помещиками и крестьянами в Пруссии / Крестьянское дело. СПб., 2017.

References

Makeeva, U. L. (2007). The socio-political activity of Yu. F. Samarin. PhD thesis. St. Petersburg (in Russian).

Nol'de, B. E. (1978). Yuri Samarin and his time. Paris (in Russian).

Samarin, Yu. F. (2013). Two words about nationality in science. Literature and history. St. Petersburg (in Russian).

Samarin, Yu. F. (2013). On public education. Literature and history. St. Petersburg (in Russian).

Samarin, Yu. F. (2013). Revolutionary conservatism. A letter to R. Fadeev about his book "Russian society in the present and future (what should we be)". Literature and history. St. Petersburg (in Russian).

Samarin, Yu. F. (2013). Recollection of Dmitry Petrovich Zhuravsky. Letter to the editor of "Russkaya Beseda". Literature and history. St. Petersburg (in Russian).

Samarin, Yu. F. (2016). Letters to I. S. Aksakov 1851–1872. Correspondence. St. Petersburg (in Russian).

Samarin, Yu. F. (2017). On serfdom and the transition from it to civil freedom. The peasant issue. St. Petersburg (in Russian).

Samarin, Yu. F. (2017). On measures to mitigate and alleviate serfdom. The peasant issue. St. Petersburg (in Russian).

Samarin, Yu. F. (2017). The abolition of serfdom and the arrangement of relations between landowners and peasants in Prussia. The peasant issue. St. Petersburg (in Russian).

Vasil'ev, A. A. (2010). The state-legal ideal of the Slavophiles. Moscow (in Russian).

Citation:

Беседина Е. С. Понятие «органических реформ» в политико-правовом наследии Ю.Ф. Самарина // Юрислингвистика. – 2026 – 39. – С. 33-36.

Besedina E. S. (2026) The Concept of "Organic Reforms" in the Political and Legal Heritage of Yu.F. Samarin. Legal Linguistics, 39, 33-36.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License